

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

А.К. Алексеев

**РОССИЯ НА «КРЫШЕ МИРА»:
ПАМИРСКИЙ ОТРЯД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ БАДАХАШАНА.
К 115-ЛЕТИЮ ПОХОДА ГЕНЕРАЛА М.Е. ИОНОВА
В ЗАПАДНЫЙ ПАМИР (1894 г.)**

Российско-британское соперничество за доминирование в Центральной Азии с легкой руки одного из непосредственных участников этого процесса капитана Артура Конолли (Arthur Conolly, 1807–1842) вошло в историю под названием «*Большая Игра*» (The Great Game). *Большая игра* оказала влияние на политическое, социально-экономическое и культурное развитие многих народов региона, но в первую очередь затронула те из них, которые оказались в зоне непосредственного противостояния двух самых крупных империй XIX в. Значение этого многолетнего процесса сложно переоценить, равно как и место в истории его участников: ученых-исследователей и простых солдат и офицеров, внесших вклад не только в военно-политический аспект этой проблемы, но и создавших базу для межкультурного и межцивилизационного обмена. Их усилия по настоящее время воздействуют на геополитическую и культурную картину в регионе.

Историография и источниковедение вопроса. В последнее время, в силу политической обстановки, складывающейся в Центральной Азии, вопросы истории этого противостояния и его значения вновь обрели большую актуальность в контексте переосмысления исторического опыта и возможности его использования для разрешения нынешних внутренних и внешних региональных противоречий. К изучению этого вопроса обращались как отечественные, так и зарубежные ученые, благодаря чему существует довольно обширный ряд исследований, посвященных рассматриваемой проблематике. В некотором смысле, изучение Памирского отряда благодатный для историка сюжет вследствие большого числа доступных архивных материалов, которые каждый год вводятся в научный оборот. Как нам представляется, необходимо кратко остановиться на наиболее значимых источниках и исследованиях.

Значительный пласт источников составляют данные фондов РГВИА, в которых представлена как военная документация (приказы, распоряжения, донесения, отчеты, сводки), так и труды офицеров Памирского отряда [33 и др.]. Данные материалы стали появляться с самого начала существования отряда. Огромный интерес представляют также и сведения архива востоковедов Института Восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). К их числу принадлежит фонд начальника отряда в 1902–1903 гг., известного военного востоковеда А.Е. Снесарева (1865–1937), хранящийся ныне в архиве востоковедов ИВР РАН [18]. Помимо сведений самого Снесарева, данный архив содержит ряд работ начальника Лангарского и Ишкошимского постов штабс-капитана О.Б. Тумановича [28. С. 204–206].

Важные сведения содержатся в документах Государственного архива Горно-Бадахшанской автономной области (ГА ГБАО), а также документы, изданные в различных сборниках и приложениях к исследованиям [8]. Весьма обширен круг работ российских исследователей, как дореволюционного, так и советского периода, а также современных историков [2. С. 248–250; 3. С. 277–279; 4. С. 117–118; 5; 7; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17. С. 209–252; 19. С. 125–154; 20. С. 84–103; 21. С. 165–355; 22. С. 27–71; 23. С. 5–12; 24. С. 35–53; 26; 27; 28; 29; 30. С. 80–104; 31. С. 172–206; 32. С. 36–66; 34; 37; 38. Ч. 1. С. 338–342, Ч. 2. 11–12; Ч. 3. 25–30; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46. С. 197–208].

Из зарубежных работ следует отметить получившие широкую известность монографию П. Хопкирка (Р. Норкirk), работу М.Е. Ахрари (М.Е. Ahrari) и др. [47; 48].

Присоединение Центральной Азии к России. Пограничные линии. Решительное наступление на центрально-азиатские ханства Россия начала с 1864 г. Еще раньше российские власти приступили к формированию пограничных систем (линий), на которые возлагались не только сугубо оборонительные, но и разведывательные, а также административные задачи. Система устройства границы в виде линейных укреплений (крепостей, фортов, редутов, постов и т. д.) имеет в российской истории давнюю традицию. Она проходит стержнем через всю систему политических и военных отношений «оседлой» Русской равнины и «кочевой» Великой Степи, причем, по мере усиления «оседлых» государственных образований (формирования Московского государства, Российской империи), пограничные линии все далее продвигались в степные районы, выступая в роли оплотов государственной власти и вынуждая кочевников либо подчиняться, либо отступать дальше. Однако со временем отходить стало уже некуда, и Российская империя прочно утвердила свою власть над приграничными степными районами. Первыми, кто столкнулся с линиями в новой истории, оказались кочевые народы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (татары, башкиры, ногайцы, калмыки и казахи). Положительный для империи опыт в отношении кочевых народов решено было применить и не только для оседлого земледельческого населения центрально-азиатского региона, но и горцев, т. к. на Кавказе подобный опыт также был скорее положительным, чем негативным, и привел к покорению этого края. Постепенное продвижение при помощи редутов и постов позволило создать мощный плацдарм для окончательного удара по Бухарскому эмирату и Кокандскому ханству. Всего российскими властями было возведено 4 линии (Оренбургская, Уральская, Ишимская, Иртышская), которые состояли из 46 крепостей и 96 редутов [25. С. 301–302]. Всестороннее превосходство русской регулярной армии над воинскими формированиями этих государственных образований сказалось сразу после первых подготовленных кампаний: в 1864 г. были взяты Туркестан, Аулие-Ата. Прилегающие к ним районы были включены в состав Оренбургского генерал-губернаторства.

Весной 1865 г. генерал М.Г. Черняев (1828–1898) штурмом взял Ташкент. В 1866 г. русскими войсками были заняты Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак. В 1868 г. Кокандское ханство признало свою зависимость от Российской империи. Покончив с самым мощным государственным образованием в Центральной Азии, царская Россия приступила к захвату земель Бухарского *амирата*. После поражения бухарских войск на Зерабулакских высотах между Россией и Бухарой был заключен мирный договор: Бухара признала свою вассальную зависимость от Российской империи, а вся территория, захваченная русскими войсками (Ходжент, Ура-Тюбе, Панджикент, Самарканд, Ургут, Катта-Курган) отходили России. В 1870 г. русскую власть признали беки: Фальгар, Ягноб, Матча, Фан, Кштут и др. [33. С. 3–4].

Восстание 1875 г. в Коканде позволило русским войскам взять это, уже подчиненное России, ханство под жесткий контроль и ликвидировать его, упразднив там ханскую власть [46. С. 123–124]. Военное поражение Бухары и стремительное продвижение русских войск открыло России дорогу к рубежам Памира. Перед Российской империей встала задача по оформлению, охране и удержанию новых территорий.

Положение на Памире накануне его вхождения в состав России. Еще в 1876 г., после покорения Кокандского ханства, отряд ген. М.Д. Скобелева (1843–1882) вышел на Памир и Припамирье, которые до гиндукушского хребта формально являлись территорией, подчиненной Коканду. В соответствии с русско-британскими соглашениями 1873 г. Памир признавался российской территорией, и отряд М.Д. Скобелева покинул Припамирье, не сочтя необходимым еще раз раздражать британские власти и афганцев [10; подробнее о соглашении 1872–1873 гг. см.: 20. С. 84–103; 46. Р. 229–230].

Однако Великобритания отнеслась к появлению русских войск со всей серьезностью. Собственно, британские власти всегда пристально следили за тем, что происходит рядом с их владениями, т. к. попытка продвижения в центр Азии с целью выйти в Индию для российской политики была далеко не первой. Широко известен факт организации похода в Индию Павлом I (1796–1801), который отправил в поход атамана М.И. Платова (1753–1818) с донскими казаками. Только гибель императора в ходе дворцового заговора остановила это предприятие [11]. Еще ранее Петр I (1689–1725) планировал завоевание Бухарского *амирата* и Хивинского ханства с целью найти «золотые россыпи» и восстановить путь в Индию [25. С. 295].

Великобритания, уже потерпевшая два военных поражения в Афганистане, но добившаяся от афганского *амира* права контролировать его внешнюю политику и вытеснившая русских из этой страны, избегала прямого военного столкновения с русскими войсками, но всячески подталкивала тогдашнего правителя ‘Абд ар-Рахман-хана к завоеванию Памира (Бадахшана). Осенью 1883 г. отряды ‘Абд ар-Рахмана-хана захватили области Западного Памира: Шугнан, Рушан, Вахан [26. С. 8–9]¹. Для памирцев наступила эпоха, которая в их народной памяти живет до настоящего времени — страшные годы «афганского сапога». Поскольку официальным толком амирата был *ханафитский мазхаб*, бадахшанцы-*исма‘илиты* мусульманами не считались, и в их отношении можно было предпринимать любые действия, вплоть до убийства [1. С. 41]². Любой афганец имел право делать с памирцами все, что ему угодно: в знак того, что дом или селение объявлялось его вотчиной, он ставил свои сапоги (*кафи*) перед входом в селение или дом. Этот знак запрещал мужчинам-памирцам появляться в кишлаке до тех пор, пока владелец обуви не покидал пределы селения. Положение бадахшанцев стало крайне тяжелым, их правящие круги начали искать пути к освобождению.

Не менее тяжелым было положение в восточных областях Памира, которые с 1884 г. были заняты войсками китайской династии Цин (1644–1911). Китайские пикеты доходили до центральных областей Памира [10]. В этих условиях англичане были близки к своей цели: руками афганцев и китайцев закрыть России дорогу в Бадахшан и Индию [11]. На Памире все чаще стали появляться британские разведчики и эмиссары, которые вели активную работу по сбору информации о крае, движении русских войск. Кроме того, в 1890 г. британские власти начали строительство дороги Шринагар—Гильгит, которая могла служить для переброски британских войск к Памиру с южного направления.

Экспедиции М.Е. Ионова и вхождение Памира в состав Российской империи.

Дабы не допустить вытеснения России из Восточного Туркестана и обозначить свое присутствие, туркестанский ген.-губернатор барон А.Б. Вревский (1834–1910) приказал командиру 2-го линейного туркестанского батальона подполковнику М.Е. Ионову (1846–1919?) произвести рекогносцировку Памира (или Памиров, как тогда именовался этот край в русских официальных документах). Отряд Ионова состоял из 122 охотников нескольких туркестанских линейных батальонов (2-го, 7-го, 15-го, 16-го и 18-го) и 6-го Оренбургского казачьего полка. 10 июля 1891 г. полковник Ионов достиг Памира. Пограничную линию и свой маршрут Ионов обозначал надписями на камнях: «полковник Ионов. 1891». Далее Ионов, без согласования со своим начальством, перешел через Гиндукуш и примерно на 100 км углубился во владения Британской Индии. Худшие опасения британских властей подтвердились: русское командование теперь не только в теории, но и на практике знало кратчайший маршрут к жемчужине Британской короны. Пройдя по британским владениям, Ионов вышел на Памир с юга, по мере следования выдвояря за российские пределы британских разведчиков и китайские пикеты [10].

К более активным действиям русские власти перешли в следующем году. После возвращения из Петербурга, полковнику Ионову было поручено сформировать пограничный отряд и, установив серию постов, окончательно закрепить за Россией Памир. Поход 1892 г. детально описан одним из его участников — подпоручиком Б.Л. Тагеевым (Рустам-беком) [38. С. 338–342; 39. С. 78–123; 40. С. 287 и далее]. Дорог не было, движение было крайне сложным, вследствие большого падежа вьючных животных была утрачена значительная часть боеприпасов и продовольствия. Однако, несмотря на все сложности, цели похода были достигнуты: около оз. Яшилькуль был разгромлен обосновавшийся там афганский пост. Отряд капитана А.Г. Скерского дошел до крайнего предела Памира — урочища Ак-таш, откуда выдворил обосновавшийся там китайский пикет. Таким образом, была установлена русская граница по Восточному Памиру. Она доходила до Сарыкольского хребта, т. е. до пределов бывших Кокандских владений. В 1893 г. под руководством капитана А.Г. Серебренникова на месте впадения р. Акбатар в р. Мургаб было возведено стационарное пограничное укрепление — Шаджанский пост, ставший на время штабом Памирского отряда [39. С. 304–306]. С окончания строительства поста (01.10.1893 г.) можно вести отчет регулярной русской пограничной охране этого региона.

Несмотря на очевидные успехи в восточном Памире, западные области края еще страдали от периодических набегов из Афганистана. Необходимы были решительные действия, однако единой позиции по т. н. «Памирскому вопросу» не было даже на самом высоком уровне. Так, министр иностранных дел востоковед Н.К. Гирс (1820–1895), сторонник осторожной линии в отношениях с западными державами, выступал против

Фото 1. Портрет Азиз-хана минг-баши из архива семьи Азизхоновых. К. Синдиф.

движения в Западный Памир, опасаясь ухудшения отношений с европейскими странами. Однако жесткая позиция А.Б. Вревского сделала поход русских войск на запад края возможным. В 1893 г. штабс-капитан С.П. Ванновский с небольшим отрядом произвел разведку в Рушане и Бартанге, где вынудил отступить численно превосходящий отряд афганцев, а уже в следующем году был подготовлен поход основных сил. Продвижение осуществлялось тремя отрядами, во главе которых стояли ген.-майор М.Е. Ионов, подполковник Н.Н. Юденич и капитан А.Г. Скерский. 28 июля 1894 г. отряд Скерского, двигаясь по Шах-даре, столкнулся с отрядом афганцев. Сопротивление встретил и Юденич, отряд которого шел по Гунту. Все атаки афганцев обоими отрядами были отбиты, а когда противник получил известие о подходе основных сил, то поспешил отойти на свою сторону. Более на всем протяжении существования имперской границы афганцы не переходили через Пяндж. 23 августа 1894 г. отряды ИONOва, Юденича и Скерского соединились в к. Хорог, который впоследствии стал главным городом края и резиденцией пограничного начальника.

Прибытие Памирского отряда, которое для местного населения означало избавление от афганского владычества, было встречено с большой радостью. Надо сказать, что памирцы оказывали русским самую разнообразную помощь, причем как простолюдины, так и знать. Минг-баши (тысяцкий) Шах-дары Азиз-хан (фото 1) лично встретил отряд генерала М.Е. ИONOва и провел его в обход афганских постов. Он же помог отряду ИONOва с продовольствием и фуражом. Прибытие русских было столь ярким событием, что до настоящего времени народная память хранит некоторые сюжеты этого времени. Русский отряд крайне нуждался в продуктах питания, поскольку обоз был фактически утрачен за время похода, тогда Азиз-хан приказал на летовке (*аол*), поблизости от своей резиденции в селении Синдиф, собрать весь имевшийся в его распоряжении скот. Приказав двум своим нукерам растянуть веревку посередине стада, он предоставил русским офицерам выбирать, какую половину они заберут себе, а какую оставят хозяину. В резиденции (*тупхона*) Азиз-хана (фото 2–3) было объявлено и о переходе жителей Западного Памира в российское подданство. Встал вопрос об уточнении границы, для чего была сформирована совместная русско-британская комиссия. Дипломаты закончили свою работу 27 февраля 1895 г., когда был подписан договор о размежевании. Необходимо было произвести демаркацию на месте, что и сделала команда под руководством генерала Повало-Швейковского³ [19. С. 125–148].

Первоначально управление новым краем было возложено на начальника Памирского отряда, он, в свою очередь, подчинялся начальнику войск Ферганской области. В 1896 г. в рамках выполнения русско-британских соглашений Николай II (1894–1917) передал Памир под управление Бухарского *амирата*. Данный шаг негативно сказался на развитии края, вследствие чего, по многочисленным просьбам местного населения, а также в силу обострения международной обстановки, на Памире снова было введено прямое правление начальника Памирского отряда. Еще до этого важного шага, окончательно утвердившего присутствие России на Памире, начальники пограничного отряда и пограничных постов (Ишкашимского, Лангарского, Шаджанского и др.) иг-

Фото 2. Сохранившиеся стены резиденции-крепости *туп-хана* Азиз-хана минг-баши, построенной в сер. XIX в., в которой принимал генерала М.Е. Ионова в 1894 г. Разрушена органами ОГПУ в сер. 1920-х гг. Фото автора.

Фото 3. Вид из *туп-хана* Азиз-хана на к. Синдиф и верхнюю Шах-дару. Рошткалинский район. Фото автора.

рали важную роль в жизни местного населения. Начальник Памирского отряда капитан Э.К. Кивикэс перенес штаб отряда в г. Хорог, сделав его столицей края. Будучи человеком энергичным и весьма расположенным к местному населению, он предпринял ряд важных мероприятий по устройству ирригации, организации врачебной службы, закупки продовольствия и фуража у местного населения по повышенным ценам, разве-

дения новых сельскохозяйственных культур: именно с его легкой руки картофель занял свое место в рационе памирцев. Кивикэс связал в своем лице разные уголки обширной Российской империи: он был этническим шведом из юго-западной Финляндии, в Гельсингфорсе (Хельсинки) получил военное образование, потом служил в линейных частях Туркестанского округа. Местное население его боготворило за заступничество перед постоянными поборами чиновников бухарского наместника (*бек*). Проникшись сочувствием к судьбе местной девушки Гулбегим, Кивикэс и его супруга усыновили ее, дав ей имя Ольга, а когда в 1902 г. его на посту начальника отряда сменил капитан А.Е. Снесарев (1865–1937), он забрал дочь с собой в Финляндию, где она прожила долгую и счастливую жизнь [7. С. 94, 96, 98]. Ее потомки (они носят фамилию Лойкканен) по настоящее время живут в окрестностях Хельсинки. В семье сохранился обширный архив документов, посвященных Памирскому отряду.

С именем следующего начальника отряда — А.Е. Снесаревым — связана целая отрасль российской востоковедческой науки. А.Е. Снесарева считают отцом русской геополитической школы. С отличием закончив физико-математический факультет Московского университета, он пытается стать музыкантом, но в силу обстоятельств оставляет музыкальную карьеру и поступает в военное училище. В 1899 г. заканчивает Академию Генерального штаба — самое престижное высшее военное заведение царской России — и получает назначение в Туркестанский военный округ офицером по особым поручениям. Военную службу А.Е. Снесарев прекрасным образом сочетал с исследовательской работой. В 1899–1900 гг. ему удается провести несколько сложных экспедиций по неисследованным районам Гималаев, Тибета и Гиндукуша, пройти в Британскую Индию. Из под его пера вышла целая серия работ, посвященных Центральной Азии и, особенно, народам Памира [7. С. 98–106]. После октябрьской революции А.Е. Снесарев возглавил Северо-Кавказский окружной комиссариат по военным делам, принимал участие в формировании регулярных частей Красной Армии. В 1920-е гг. он возглавлял Академию РККА, а по увольнению в запас — Институт востоковедения.

А.Е. Снесарева на посту начальника отряда сменил подполковник И. Муханов, с именем которого связаны постройка мостов через р. Гунт в районе Хорога и активное освоение заброшенных и невозделанных земель, чему новый начальник всячески способствовал. Кроме того, он разрабатывал проекты подъездных путей, с тем, чтобы активизировать сообщение между различными долинами края, заменяя традиционные проходы и *авринги* на более или менее проходимые тропы.

После подполковника Муханова начальником отряда стал подполковник Г.А. Шпилько, чей фотоархив является ценным источником по истории Памира начала XX в. С его именем связана первая экспедиция к Сарезскому озеру, образовавшемуся в долине Бартанга в ходе сильного землетрясения 1911 г. Шпилько и его солдаты были первыми, кто обследовал озеро и провел геологическую и географическую разведку этой части Памира. Другим важным его начинанием была постройка и организация преподавания в школе для «туземных детей». В школе преподавались чтение и письмо на русском языке, география, история России, гигиена, анатомия и первая медицинская помощь. Школа существовала на частные пожертвования и суммы, которые Шпилько отпускал из «экстраординарных средств» отряда. Таким образом, отряд не только защищал местное население, но еще и способствовал его образованию, причем делал это из собственных средств [7. С. 100–120].

В 1914–1917 гг. начальником отряда был другой известный военный востоковед-фи-

олог И.Д. Ягелло (1865–1942), автор знаменитого русско-персидско-английского словаря [подробнее о нем см.: 3. С. 277–279]. Его командование пришлось на сложные годы Первой мировой войны (1914–1918) и революции. Снабжение отряда, ухудшавшееся с каждым годом, после неудач на фронте совсем прекратилось. Пограничникам и жителям Хорога пришлось перейти на самообеспечение. Встал вопрос о ремонте главного почтового пути, связывавшего отряд с Ферганой. Поскольку в русской армии, в особенности в тыловых частях, ощущалась острая нехватка боеприпасов и взрывчатых веществ, пограничниками были разведаны запасы серы и селитры, которые были необходимы для изготовления пороха кустарным образом. Чтобы обеспечить население продовольствием и какими-то материальными средствами, по распоряжению начальника отряда местным жителям стали выдаваться грены тутового шелкопряда [7. С. 119].

Обстановка на Памире в годы Гражданской войны была сложной. На жизни отряда сказывались все перипетии политической борьбы в стране. На отряд действовала пропаганда большевиков, которые, сразу осознав всю важность этой пограничной области, пытались поставить отряд под свой контроль. В одном из постановлений СНК Туркестана говорилось: «Советом народных комиссаров края (Туркестанского. — А.А.) 10 июня 1918 года признано было необходимым удержать за нами пограничный Памирский район ввиду особенного значения его как в политическом, так и в военном отношении» [Цит. по: 7. С. 127].

Большевикам и их союзникам противостояли части отряда, верные начальнику Лангарского поста полковнику Тимофееву. Одно время отряд возглавлял даже пленный чех социал-демократ доктор Вичич.

Обстановка была сложной и в силу событий, происходивших в сопредельном Афганистане. 19 февраля 1919 г. неизвестным лицом был убит *амир* Афганистана Хабибалах-хан. Убийство произошло в ситуации, когда шла Парижская мирная конференция, а страна требовала предоставить ей полную независимость. Брат убитого амира — Насраллах — пытался захватить власть. Его признавал законным наследником вице-король Индии лорд Чемсфорд (1916–1921). Однако сын убитого амира Аманналах-хан, контролировавший столицу, арсеналы и армию, категорически не согласился с таким решением. Он предпринял энергичные действия и захватил власть в стране. Добиваясь независимости, Аманналах-хан в мае 1919 г. начал вооруженное противостояние с английскими войсками, которое вошло в историю как восстание 1919 г. В результате восстания Афганистан в обмен на ряд уступок колониальным властям Индии получил полную независимость. 13 сентября 1920 г. РСФСР и Афганистан заключили Договор о дружбе [26. С. 55–73]. Этот договор связал Памирский отряд красных с РСФСР через советскую миссию в Кабуле. Кроме того, по негласному соглашению частям РККА для преследования отрядов басмачей и поимки их предводителей-*курбаши* дозволялось проникать на афганскую территорию. Это решение серьезно облегчило действия органов ВЧК-ОГПУ, которым впоследствии были подчинены пограничные части. В отношении разведки и борьбы с басмачами сотрудники этих ведомств использовали опыт, накопленный русскими офицерами, которые под видом торговцев, паломников, переодетых в традиционную для местных жителей одежду, проникали в Кашгар, Турфан, Яркенд, Урумчи и т. д. для сбора информации и устранения противников Советской власти [11].

В 1920–1930-е гг. функции отряда были восстановлены. Однако некогда единое подразделение было расформировано на несколько отрядов: Пянджский, Калай-Хумбский, Хорогский, Мургабский. В этот период пограничники продолжали традиции, заложен-

ные военными царской армии. Помимо охраны государственной границы, они активно участвовали в общественной жизни Памира, занимаясь вместе с местными жителями уборкой урожая, строительством Хорога и т. д. В годы Великой Отечественной войны более 400 пограничников были откомандированы на фронт.

Пристальное внимание к памирским погранотрядам стало проявляться в годы Афганской войны (1979–1989). На отряды были возложены функции не только охраны госграницы СССР, но и оказания гуманитарной помощи жителям Афганского Бадахшана. Пограничниками доставлялись продовольствие, медикаменты, керосин, бензин и другие товары первой необходимости. В ряде кишлаков были построены медпункты и школы.

Все же, состояние русского берега Пянджа и афганского сильно отличается. Русские военные и пограничники сделали невозможное — превратили некогда дикий и суровый край в уголок европейской цивилизации (разумеется, с определенными исключениями) в центре Азии, на «Крыше мира». В советское время Гоно-Бадахшанская автономная область занимала первое место во всей Средней Азии по числу людей, имеющих высшее образование, а начиналось все со школы, построенной Памирским отрядом в Хороге. Военные вертолетчики доставляли грузы в самые труднодоступные долины, где даже сейчас в XXI в. отсутствуют дороги (фото 4. Памирская дорога).

Фото 4. Участок приграничной дороги в Дарвазе. Фото автора.

Некоторые памятники помнят всю историю пребывания русских пограничников на Памире. Одним из таких монументов является крепость Вомар (Калаи Вомар). Она прожила четыре жизни: строилась для правителя Рушана (мир), как главный оборонительный пункт и резиденция, служила гарнизоном для частей Памирского отряда, при советской власти была заставой Хорогского погранотряда, ныне — застава ПВ Республики Таджикистан (фото 5–6).

Значение Памира как стратегического региона понималось всеми участниками непрекращающейся «Большой игры», на каком бы уровне она не проходила. Значение Памира прекрасно понимали и «кулябцы», которые пытались восстановить над памир-

Фото 5. Крепость Вомар (Вомар-кала). Рушанский р-н ГБАО.
Фото автора.

Фото 6. Наблюдательный пост заставы «Вомар» на северной башне крепости. На одном из деревянных элементов бруствера многочисленные надписи с именами пограничников и годами их службы. Фото автора.

цами свой «сюзеренитет» в годы Гражданской войны в Таджикистане (1992–1996), однако попытки прорыва как через Тавил-дару, так и по Кулябскому направлению были остановлены. Следы этих боев еще до прошлого года можно было видеть на горных склонах⁴. Фронт остановился, но началась блокада ГБАО, которая привела к голоду и

массовой гибели населения. В этой ситуации пограничники пришли на помощь местному населению, защищая его как от банд с сопредельной стороны, которые дедовским способом на плотях из накаченных воздухом мехов-шкур пытались переправляться через Пяндж, так и от резни, сопровождавшей братоубийственную войну. Спасали они Памир и от голода в годы блокады. О роли русских и наиболее благодатного для Бадахшана времени, пришедшегося на советскую эпоху, очень ярко высказался старейший житель кишлака Рин (Рынд) Гарибшо Холдоров (1912 г.р.), словами которого хотелось бы завершить этот раздел: «То, что мы (памирцы. — А.А.) живем, а не существуем, это заслуга русских и Советской власти, которая очень много сделала для нас. Она принесла нам европейскую цивилизацию и действительно была для нас наиболее демократичной формой правления» [1. С. 45].

Вместо заключения. Русские пограничники ушли из Бадахшана в соответствии с двусторонними соглашениями о постепенной передаче охраны государственной границы ПС Таджикистана (Кушунхон сархади Таджикистон) в 2003 г. С ними ушли те немногие русские люди, которые пережили на Памире разрушительную Гражданскую войну 1990-х гг. и блокаду⁵. Таджикские власти, к огромному сожалению, не смогли остановить отток русскоязычного населения, из-за чего всем сферам жизни страны (промышленности, образованию, здравоохранению и т. д.) был нанесен огромный ущерб. Особенно это чувствуется в Бадахшане, чье население с тоской провожало колонну пограничников. Один пожилой памирец, приютивший наш экспедиционный отряд на ночь в своем доме, благодарил нас за то, что русские еще приезжают на Памир, и с грустью сказал: «Жаль, что вы ушли. Нам без русских как-то плохо и непривычно. Эх, был бы снова Памир в составе России».

Сейчас русские на Памире — редкость. Куда чаще можно видеть многочисленные группы туристов (или маскирующихся под туристов сотрудников соответствующих ведомств) из Франции, Китая, Японии или США. Не только простые граждане этих стран, но и их правительственные структуры давно оценили значение Памира для своих геостратегических целей: возможность закрепиться в этом горном крае дает огромные перспективы для контроля над транспортными артериями, что очень важно в условиях нынешнего кризиса, создание пунктов слежения, сопровождения и логистики для сил ISAF и т. д. Это не всегда делается открыто, а маскируется под гуманитарную помощь или деятельность неправительственных организаций. Действительно, история имеет тенденцию повторяться: «Большая Игра» продолжается, изменились только некоторые из ее участников.

В то же время военные городки и заставы, некоторые из которых были построены еще в самом начале существования Памирского поста, а потом укреплены и модернизированы в советское время, заброшены. Афганцы после ухода русских пограничников время от времени переправляются на таджикский берег и грабят население. Таджикские пограничники не могут эффективно им противостоять. В этих условиях мины и естественные препятствия — единственная их надежда (фото 7. Осторожно мины). В этом отношении ситуация тоже вернулась к состоянию вековой давности.

Молодежь, которая не бывала в России, не владеет русским языком, так как его преподавание, в соответствии с новым законом Республики Таджикистан «О государственном языке», сокращено до 2 часов в неделю [14]. Таким, казалось бы, совсем печальным, выглядит конец великого прошлого русского присутствия. Однако есть одно важное «но»: памирцы, где бы автору этих строк не доводилось побывать, с огромной призна-

Фото 7. Минное поле на таджико-афганской границе. Надпись на плакате: «Будьте осторожны, мины!» Дарвазский район. Фото автора.

тельностью и искренним восхищением говорят о русском народе, который стал для них подлинным спасителем и учителем, восторгаются русской культурой, в их сердцах по-прежнему жива любовь к России. До тех пор, пока такое положение будет сохраняться, будет и Россия на «Крыше мира». Тем не менее, нельзя оставлять ситуацию в ее нынешнем положении, иначе, когда уйдет среднее и старшее поколение жителей Памира, а молодежь будет воспринимать Россию только как страну, где можно заработать деньги, Памир будет потерян, на этот раз — окончательно. Чтобы этого не произошло, необходимы действенные шаги российского внешнеполитического ведомства, формирование четкого и жесткого политического курса на обеспечение и защиту российских стратегических интересов. Начинать можно и с малого: открытие курсов русского языка, русских культурных центров, поддержка наших туроператоров, организация научных исследований. Россию на Памире ждут, но работать нужно уже сейчас, в противном случае, в считанные годы то, что создавалось русскими военными и исследователями, будет безвозвратно утрачено.

Примечания

¹ Тагеев (Рустам-бек) пишет, что эти территории были оккупированы после 1888 г.: «Китайцы и афганцы, однако, пользуясь отсутствием русской администрации на Памире, стали хозяйничать, подчиняя себе местное население (киргизов), делая разные насилия, и даже ставя укрепления и посты. В 1888 году, когда в Афганистане совершились события, известные под названием афганской смуты, когда брат афганского эмира Исхан-Хана — Абдурахман отложился, и сам Исхан-хан принужден был бежать в пределы России, самостоятельные же ханства: Шугнанское, Рошанское, Бадахшанское и Ваханское, были покорены афганцами, а правители

этих провинций были или истреблены, или бежали, — афганцы, прогнав китайцев, появились на русской территории (Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 8–9).

² Такое положение сохраняется до настоящего времени. Сунниты Таджикистана и, особенно, Афганистана убеждены, что исма'илиты — не-мусульмане, которые не соблюдают никаких установлений ислама и употребляют в пищу свиное мясо (Полевой дневник центрально-азиатской этнографической экспедиции). 2008. С. 41.

³ В словаре Брокгауза и Эфрона приведены основные положения этого договора: «Границей русских и афганских владений принята снова р. Памир. Пограничная черта, направляясь на восток от оз. Сары-куль и отрезывая к Афганистану верховья р. Ак-су, примыкает к русско-китайской границе у пер. Беик, в восточной оконечности Гиндукуша. Линия эта, а затем р. Памир и далее Пяндж, по договору разграничивают сферы влияния России и Англии, причем Вахан и часть Дарваза, лежащего на левом берегу Пянджа подчиняются Афганистану, а Шугнан и Рушан передаются России (Бухаре)». Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб., 1897.

⁴ В настоящее время таджикские власти, прежде всего, аппарат Президента, прекрасно понимают всю шаткость своего положения, восстановление мощи кланов, рост исламской оппозиции, которая периодически предпринимает вооруженные выступления (последнее из которых произошло в июле этого года), всячески пытается пропагандировать идею национального единства. В каждом кишлаке можно увидеть постеры или просто надписи на стенах домов, прославляющие единство нации (например, *Вахдат-и милат муроми мост, Вахдат пояи-милат, Бадахшон ошинаи вахдат* и т. д.). В этой связи, правительство старается скрыть следы Гражданской войны и уничтожает подбитую технику.

⁵ Пик миграции пришелся на 1992 г. — разгар Гражданской войны и антирусской кампании. В итоге, русское население республики сократилось до 70–75 тыс. чел. (ок. 1%).

Литература

1. Алексеев А.К. Полевой дневник центрально-азиатской этнографической экспедиции. 2008. № 1–2. 2009. № 1.
2. Андреев А. Из воспоминаний туркестанского солдата // Вокруг света. 1904. № 15. С. 248–250.
3. Басханов М.К. Русские военные востоковеды. Библиографический словарь. М., 2005. 295 с.
4. Бокиев О.Б. Вопросы присоединения территории Таджикистана к России в русской дореволюционной исторической литературе // ТГУ им. В.И. Ленина. Программа и тезисы докладов. Душанбе, 1970. С. 117–118.
5. Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. Душанбе, 1994. С. 157–266.
6. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб., 1897. С. 396.
7. Гаврилюк А., Ярошенко В. Памир / Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР М.С. Асимова; послесловие д.и.н. Р.М. Масова. М., 1987. 480 с.
8. ГА ГБАО. Ф. 1, 25.
9. Гедин С.В. В сердце Азии. СПб., 1899. Т. 1. Вып. 1. 132 с.
10. Германов В.А., Тутова А.В. Российский форпост на «Крыше мира». Геополитический феномен Памирского поста в обеспечении имперских интересов и безопасности в Туркестане и сопредельных странах (втор. пол. XIX — нач. XX вв.) // <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=596>.
11. Григорьев С.Е., Собянин А.Д. Большая игра продолжается. Место и роль Памира в геополитической схватке России и США // <http://www.centrasia.ru/news>
12. Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. Нов. Маргелан, 1891. 58 с.

13. Громбчевский Б.Л. Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк. СПб., 1891. 29 с.
14. Гордеев И. Таджикистан отказывается от русского языка // Время новостей. 2009. 24 июля.
15. Зайферт А., Наумкин В. и др. Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009. 332 с.
16. Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки // Вестник Европы. СПб., 1885. Т. 3. № 6. С. 612–658; Т. 4. № 7. С. 48–97.
17. Иванов Д.Л. Путешествие на Памир, читано в общем собр. ИРГО — 11 апреля 1884. С. 209–252.
18. Архив ИВР РАН. Ф. 115. Оп. I.
19. Искандаров Б.И. Англо-русское соглашение 1895 г. о Памире // Труды ТГУ им. В.И. Ленина. Серия историч. наук. Сталинабад, 1960. Т. 27. С. 125–154.
20. Искандаров Б.И. Англо-русское разграничение 1872–1873 г.г. // Учен. зап. Душанбин. госпед. ин-та им. Т. Г. Шевченко / Сер. обществ. наук. Сталинабад, 1961. Т. 26. Вып. 4. С. 84–103.
21. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Душанбе, 1962. Ч. 1. С. 165–355.
22. Искандаров Б.И. Из истории дореволюционного Таджикистана. Душанбе, 1974. С. 27–71.
23. Искандаров Б.И. Из истории присоединения Памира к России // Крыша Мира. Душанбе, 1965. С. 5–12.
24. Искандаров Б.И. Присоединения Памира к России и его прогрессивное значение // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1981. С. 35–53.
25. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. 368 с.
26. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. 527 с.
27. Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения. СПб., 1880. Т. 1.
28. Лужецкая Н.Л. Материалы штабс-капитана Тумановича в Архиве востоковедов ИВР РАН // Рахмат-наме. Сб. статей к 70-летию Р.Р. Рахимова / Отв. ред М.Е. Резван. СПб., 2008. С. 203–212.
29. Масов Р.М. Таджики: история национальной трагедии. Душанбе, 2008. 535 с.
30. Набиев А. Присоединение Памира к России и его социально-политическое положение до победы Великой Октябрьской Социалистической революции (1895–1917 гг.) // Учен. зап. Тадж. с/х ин-та. Серия обществ. наук. Душанбе, 1964. Т. 9. Вып. 2. С. 80–104.
31. Назаршоев М.Н. Социальное экономическое положение дореволюционного Памира. Душанбе, 1975. С. 172–206.
32. Назаршоев М.Н. Добровольное вхождение Памира в состав России и его прогрессивное значение // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1985. С. 36–66.
33. Перепелицына Л.А. Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии. М., 1966. 124 с.
34. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. (Монография в документах). М., 2001. 412 с.
35. Путья Д.В. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан, 1883 г. // СГТСМА. СПб., 1884. Вып. 10. С. 1–88.
36. РГВИА. Ф. 400, 483, 846, 1396, 1438, 2000. ВУА. С. № 588.
37. Савельев А.А. Русские на Памире // <http://www.netda.ru/sborniki>
38. Тагеев Б.Л. (Рустам-бек) Через Алай и Памир. Очерк // Всемирная иллюстрация. 1895. № 1370. С. 338–342; № 1379. С. 11–12; № 1380. С. 25–30.
39. Тагеев Б.Л. Русские над Индией. Очерки и рассказы их боевой жизни на Памире. СПб., 1900. 254 с.
40. Тагеев Б.Л. Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902. 151 с.

41. *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. 523 с.
42. *Халфин Н.А.* Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. М., 1975. 126 с.
43. *Харюков Л.Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. 236 с.
44. *Широкопад А.Б.* Россия — Англия. Неизвестная война. 1857–1907. М., 2003. 512 с.
45. *Уманец С.* Памирский вопрос и его значение // Исторический вестник. 1892. № 1.
46. *Южаков С.Н.* Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. СПб., 1885. 106 с.
47. *Ahrari M.E., Bell J.* The New Great Game in Muslim Central Asia. Honolulu University Press, 2000. 92 p.
48. *Hopkirk P.* The Great Game. New York, 1994. 328 p.